

А

Константин Михайлович Станюкович

На уроке

OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 14 апреля 2003 года <http://publ.lib.ru>

"Станюкович К.М. Собр.соч. в 10 томах. Том 1": Издательство "Правда"; Москва; 1977

Константин Михайлович Станюкович

На уроке

I

Глухая осень. Дождь зарядил с ночи и мелкой дробью барабанит по крышам и окнам. Пасмурное, мокрое, петербургское утро, такое, когда, ворча и хмурясь, с неохотой расстаешься с теплою постелью, гонимый нуждою на мокрую улицу.

Сумрачно показалось утро на улице, но еще сумрачней заглянуло оно в узкий переулок на Петербургской стороне и пробралось через мокрый серый забор в небольшую комнату надворного строения. Серым полусветом осветило оно бедную обстановку в комнате: стол, прислонившийся к стене, о трех ножках, этажерку с книгами и маленький клеенчатый диванчик... На нем, свернувшись клубком, лежал молодой человек, покрытый шинелью.

Из себя молодой человек худощав, чуть-чуть бледен. Глаза неглупые, серые с блеском; волосы темные, кудреватые, откинулись назад, оставляя открытым большой широкий лоб. Общее впечатление: энергичное, хорошее лицо с добродушной, несколько лукавой улыбкой, показывающей в характере долю юмора.

Ворошилов только что проснулся. Он протер глаза, приподнялся и взглянул в окно. Увидав дождь, Ворошилов слегка поморщился и, взяв с полу сапоги, внимательно их осмотрел. Подметки на сапогах были истерты, и огромные дыры на каждом сапоге зияли темными пропастями.

-- Эка, как скоро носятся! -- проговорил Ворошилов и стал одеваться.

Скоро Ворошилов был готов. Исправив свое старенькое, много поношенное платье, молодой человек подошел к этажерке и не без аппетита принялся за ломоть ситника.

"Чай, Агафья опять самовар предложит!" -- подумал он.

И только что пробежала эта мысль, как в комнату вошла кухарка Агафья и сказала:

-- Давать, что ли, самовар?

-- Нет, Агафья, не давать. Что-то не хочется сегодня чаю.

Однако Агафья заподозрила искренность отказа. Она находила несколько странным не желать по утрам (особенно по таким сырым, холодным утрам!) горячего чаю или кофе, а жилец (вспомнила Агафья) вот уже дней с десять как на вопросы агафьины: "давать ли самовар?" -- отвечал: "не хочется".

Агафья нерешительно мялась на пороге. Ее рябое, покрытое оспенными ямками, рыжеватое, доброе лицо выражало некоторую внутреннюю борьбу. Заскорюзлые ее пальцы вовсе без пути шмыгали по стене, а глаза -- тусклые, старые такие глаза! -- не в меру часто моргали.

-- Вы бы, Николай Николаич, -- наконец сказала кухарка, -- выпили бы чайку, право. У меня чай и сахар есть, коли не побрезгуете. Лишние! -- добавила старуха.

-- Спасибо, Агафья. Не хочется.

-- Ведь этак и заболеть недолго. Встамши, надо горячее. Без горячего -- нельзя.

-- Можно! -- улыбнулся Ворошилов. -- Вот на урок пойду -- там выпью.

-- Ну, как знаешь! -- с сердцем воркнула Агафья и вышла вон.

На кухне Агафья стала чистить сапоги другим жильцам и вспомнила про то, что у Ворошилова сапоги худы.